

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

Память

МИРЫ ТАУРИС

Annotation

Добро пожаловать в один из древнейших миров Таурис. Долгое время люди, лишённые дара колдовать, жили тут в согласии и дружбе с колдунами. Но равновесие было нарушено. Колдуны решили, что они лучше остальных. Под видом "школы колдовства" на одном из островов организована исследовательская база, где начали ставить эксперименты над людьми и "недомагами". Именно туда угодила девочка Виолетта. К ней применили артефакт, переместивший её на несколько десятилетий назад – в концлагерь времен Второй мировой войны. Забыв себя и своё прошлое, она пытается адаптироваться к новой жизни, помогает другим детям и ждёт, когда придут "наши". Случайная встреча с мальчиком Гришей, который тоже является гостем из будущего и здесь успел навидаться бесчеловечных ужасов, даёт Виолетте силы для борьбы, шанс вернуться домой, обрести себя и бросить вызов злодеям. Но шанс этот призрачный. Память не торопится возвращаться, а правда – открываться. Враги повсюду. Настоящее пугает, будущее непредсказуемо.

Владарг Дельсат

Память

История этого мира вела своё начало из древнейших времён. Тогда люди жили в согласии с ведьмами и колдунами, умевшими лечить болезни, заклинать погоду и насылать мор. Именно осознание того, что неугодный колдунишка может и отомстить, останавливало горячие головы. Но прошли века, в Таурис – так назывался этот мир – пришёл новый культ. И все всё вроде бы говорили правильно, и этот самый культ казался добрым, но...

Однажды кто-то решил, что колдуны противны новому богу, за что их надо уничтожить. По всей западной части мира запылали костры, сжигая тех, кто не успел спрятаться, – стариков, женщин, детей. Проклятия неслись к небу, соединяясь с таинственными чарами, пока колдуны, наконец, не собрались вместе, желая мести. Объединённый ритуал принёс в Европу чуму. Страшная болезнь пронеслась по землям, устранив подлых людишек, поднявших руку на колдунов...

Долго длилось противостояние, пока, наконец, люди и колдуны не были вынуждены сесть за стол переговоров, ибо погибли уже миллионы. Казалось бы, вот и конец противостоянию, но колдуны, не доверяя договорённостям, решили отгородиться от людей нерушимой стеной. Не все колдуны, стоит заметить, но, тем не менее. Шло время, люди почти забыли о колдунах, рассказы о них ушли в область сказок и легенд, пока, наконец, не наступил век двадцатый.

Генрих фон Шварцкопф был немецким дворянином и колдуном в двадцать девятом поколении. Будучи твёрдо убеждён, что не имеющие дара по сравнению с колдунами суть животные, он с группой единомышленников взял под контроль военачальников и правителей родной страны. Странно, но никто не обратил внимания на постепенно изменившуюся риторику вождя немецкого народа. Если раньше тот говорил о необходимости сделать хорошо немцам в Германии, то затем речь пошла об уничтожении «неполноценных» народов, мешающих «истинным арийцам» устроить «правильный» мировой порядок.

Европейские страны, отметив, что «неполноценными» считают не их, радостно поддержали эти начинания финансово – и вскоре разразилась страшная война. Против колдунов, предпочитавших называть себя «магами», вставали волхвы и одарённые других стран, поэтому и в колдовском мире гремели не менее страшные битвы. Решившие действовать кровавым колдовством немецкие колдуны пали, но посеянная ими скверна дала всходы.

Колдунам в некоторых других странах понравилась идея быть выше не обладающих даром, кроме того, контролируя правительства тем или иным способом, они не были сдерживаемы никакими правилами и законами, имея возможность экспериментировать в своё удовольствие. Кроме того, колдуны с удовольствием исполняли заказы на уничтожение тех или иных людей, получая мзду за эту чёрную работу и обогащаясь.

Далеко не все колдуны разделяли убеждения, которые чуть не привели мир к краху в прошлый раз, но в Великобритании их идеи были сильны, поэтому один из островов был превращён ими в место для экспериментов, прикрытых вывеской «колдовской школы» для одних, просто «школы» для других, и полигона для третьих. Здесь разбирались артефакты Аненербе, производились жестокие опыты, в том числе и над детьми, которых было не

жалко, над теми, кого колдуны считали низшими созданиями или вообще животными.

Казалось, никто не знает и никогда не узнает о новом концлагере, сотворённом колдунами, ничему не желающими учиться и забывшими прошлое. Предпочитавшая не вспоминать о том, как на беззащитный город падали бомбы и громко кричали раненые люди, новая волна нацистов готовилась совершить свою самую страшную ошибку.

Новый вождь местных колдунов задумчиво смотрел на серые морские волны, набегавшие на камни, вид на которые открывался из окна его кабинета, где планировались действия. Он слушал доклад об успехе проведённой операции, и выражение лица немца, чудом избежавшего суда и считающегося сейчас англичанином, прорезала жёсткая усмешка: «Уже скоро».

– Отродье действительно обладает необходимым пространственным даром, – сообщил вождю его ближайший помощник. – Извлекли чисто, родителей депортировали, но они не долетят.

– Очень хорошо, – кивнул тот, кого здесь называли вождём. – Что у нас по деньгам?

– Хорошо известные люди внесли первые платежи, – ответил помощник. – Но у них есть пожелание... Странное, на мой взгляд.

– Для нас проблемное? – поинтересовался главный колдун Британии.

– Вовсе нет, даже удобное, – хмыкнул его собеседник. – Так что мы согласились.

В просторном кабинете, находившемся в большом, но неприметном здании, хорошо спрятанном на местности, колдуны планировали не самую простую жизнь для двоих ещё ничего не подозревающих детей. Если бы у них получилось осуществить задуманное, то ритуал, обнаруженный в старых записях, поставил бы привычный мир на грань уничтожения. Вот только этим они нарушали равновесие, установившееся в мире.

Однако британские колдуны не верили ни в равновесие, ни в могущественные силы, стоящие на его страже. Они желали власти над всем миром и шли к своей цели, абсолютно не задумываясь над тем, какой будет цена. Но Равновесие в одном из миров Таурис было само по себе основной силой, обеспечивающей само существование этого мира, поэтому история пошла совсем не по запланированному сценарию.

Глава первая

Герби Дэвис был сиротой и знал это. От него отказались родители ещё в роддоме, обосновав это тем, что новорождённый – бесовское отродье. Но, когда ему исполнился год, Герби взяли в семью Вонсоны – хорошие, на взгляд мальчика, люди, не пожелавшие однако его усыновлять. Тем не менее мальчик называл опекунов мамой и папой, против чего они совсем не возражали.

Названный Гербертом мальчик считал себя вполне счастливым, пока ему не исполнилось десять лет. Неожиданно для него опекуны построжели, как будто он сделал что-то нехорошее. Герби пытался понять, что не так, но во взгляде «папы» появилась брезгливость, а «мама» всё чаще награждала мальчика подзатыльниками. Однажды вечером Герберт услышал разговор опекунов, чуть не сломавший его.

– Зачем нам это отродье, Франц? – с отвращением в голосе поинтересовалась женщина. – Колдовское семя, подумать только! Надо от него избавиться!

– Завтра отвезём его в приют, – согласился с ней тот, кого Герби называл «папой».

– Только пусть это будет для него сюрпризом, – хихиканье женщины, доселе называемой «мамой», больно ударило мальчика в самое сердце.

– Скажем ему, что едем на собеседование в школу для одарённых, – рассмеялся мужчина.

Чувствуя, что его жизнь кончена, Герби пытался собрать свой рассыпавшийся на осколки мир. Его предали самые близкие люди. Мальчику было всего десять, потому утром он попытался сопротивляться, цепляясь за косяки и двери, не желая покидать ставший родным дом. И тогда озверевший опекун выдернул из розетки утюг и избил Герби шнуром. Мальчика доселе не били, поэтому поначалу он даже не понял, что происходит, а потом уже не помнил ничего, кроме ужасной, разрывающей боли. Так, в полубессознательном состоянии, его и закинули в машину. За что с ним так поступили, избитый мальчик так и не понял.

Автомобиль ехал, а Герби не мог и пошевелиться – так было больно. Его впервые так жестоко и сильно избили – до крови, и мальчик просто застыл в своем непонимании – за что? Он всего только хотел остаться в доме, за что его так? Почему опекуны стали такими злыми? Этого он не понимал.

На дворе была зима, шёл снег, расчищать который снегоуборочная техника не успевала. Поэтому опекун юного Герберта Дэвиса на повороте едва ли успел даже испугаться, когда на него налетел не справившийся с управлением грузовик. Последовал сильный удар, а затем взрыв – грузовик оказался полупустым бензовозом. Герби только и успел почувствовать сильный жар, лизнувший его избитое тело, а затем желание оказаться где-нибудь подальше, когда ещё один взрыв лишил его сознания.

Переправа была сложной, гитлеровцы обстреливали отступающие войска, стараясь утопить побольше красноармейцев. Лейтенант Зарубин стоял на плоту, чувствуя, что враг уже пристрелялся и может накрыть переправляемое орудие в любую минуту. В этот момент новый взрыв чуть не сбросил лейтенанта в воду, и вот именно после него он увидел пацана, одетого в какие-то лохмотья, качающегося на воде. Не раздумывая, лейтенант прыгнул в воду, чтобы вытащить на плот едва дышавшего мальчонку лет десяти-одиннадцати. Быстро

осмотрев спасённого уже на берегу, лейтенант заметил, что тот сильно избит, весь в крови и обгоревшей одежде. По всему выходило, что пацан убежал от этих гадов, не жалеющих даже детей. Доложив командиру батареи, Зарубин дождался вздоха и лаконичного решения.

– В санбат, – коротко распорядился капитан Егоров, покачав головой. Сколько таких детей он уже видел за два месяца войны...

Герби очнулся внезапно. Он даже поначалу не осознал, что произошло, потом услышал речь, которую почему-то отлично понимал, хотя говорили не по-английски. Потом на него навалились воспоминания, заставив тихо заплакать, но рядом появилась какая-то женщина, сразу же погладившая его по голове. И было это так необыкновенно, что слёзы тут же пропали.

– Как зовут тебя, малец? – поинтересовался какой-то усатый дядька, одетый в пижаму.

– Ге... ги... – попытался ответить Герби, но не смог и сразу же запаниковал.

– Будешь Гришей, Григорием, значит, – заключил незнакомый дядька. – А то, что говорить пока не можешь, то не страшно, контузило тебя, парень. Так бывает.

– Интересно, он сам поесть-то сможет? – задумчиво спросила медсестра.

– Совсем замучили пацанчика подлые вражины, – вздохнул солдат. – Дай-кось я его покормлю.

Чуть позже Герби узнал, что оказался в прошлом, почти за сорок лет до своего рождения, в другой стране, в которой шла война. Его приняли за местного, убежавшего от кого-то чёрного, по рассказам, похожего на демона из сказки. Переубеждать таких добрых и хороших людей он не стал. Поняв, что опекунов больше не увидит, дважды преданный самыми близкими людьми мальчик принял и новое имя, и новую для себя реальность.

Он быстро шёл на поправку, и вскоре уже помогал и персоналу, и больным, бегая по поручениям, подавая тем, кто не мог встать, придерживая того, кто с трудом ходил, кормя с ложечки того, кто не мог есть сам. Старательный мальчонка понравился медсёстрам, попросившим за него начальника санбата, поэтому очень скоро у Гриши появилась красивая, по его мнению, одежда. Она была военной, как у многих вокруг, но удобной. Его начали учить, а учить пришлось всему – и как наматывать портянки, и как приветствовать, и перевязкам, и... много чему. Маленький санинструктор вскоре встал в один строй с девушками, которых мальчик очень уважал – ведь они ничего не боялись. Наверное, и опекуна бы не испугались. Мальчик теперь назывался «воспитанником», но многие в санбате – и врачи, и раненые – обращались к нему «сынком». И ради такого обращения Гриша был готов на многое.

С любознательным мальчишкой любили откровенничать раненые, рассказывая всякие фронтовые придумки. Григорий Лисицын, как теперь называли Герберта, прижился в санбате, научившись многому. Постепенно он привыкал к жизни в прифронтовом санбате, иногда сбегая на передний край, чтобы «помочь девочкам». Он не боялся перевязывать раненых под огнём, хотя его за это потом ругали. Воспитанника медсанбата берегли, но и учили честно – и врачи, и медсестры, и солдаты, которым просто лежать было скучно. И Гриша, понимавший, зачем это нужно, учился изо всех сил, потому что здесь он познал то, чего, как оказалось, не знал всю свою жизнь – человеческое тепло. Настоящее тепло Григорий познавал под бомбёжками, между артралётами, в бесконечных отступлениях, даже выходя из окружения. Он узнавал, что это такое – «свои», понимая, что в Англии у него «своих» не было.

Почему-то его записали одиннадцатилетним, он, впрочем, не возражал. И его обнимали,

показывая, что он, Герби, точнее, уже Гриша, нужен, действительно нужен. За это мальчик был согласен и на непростую науку, и на взрывы. Да что там... Он за это даже умереть был согласен. Потому что, несмотря на войну, здесь он был среди своих.

– Такое чувство, что у него убили всех, причём на его же глазах, – поделилась как-то медсестра с врачом.

– Да, похоже, – согласился тот, смоля папироску между операциями. – Тогда понятна амнезия, детская психика не справилась. А учитывая то, как его избили, как только выжил...

– Мы его согреем, – пообещала женщина в годах.

Именно она обнимала Гришу-Герби, утешала, когда что-то не получалось, хвалила и показывала мальчонке его нужность. Вскоре Гриша уже и не вспоминал о Великобритании, только иногда в снах приходил страшный опекун и брезгливо кривившая губы опекунша. Теперь мальчик твёрдо знал – они были фашистами, потому что так поступить с ним могли только фашисты.

– Лисицын! – позвала мальчика как-то товарищ капитан, уже после переаттестации. – Отнесёшь таблетки товарищу генералу, ясно? И проследи, чтобы принял!

– Есть! – ответил маленький ефрейтор медицинской службы, отправляясь выполнять задание.

Никого не боявшийся Герби и сейчас не испугался, хоть его и ждал целый генерал... Комдив простудился, госпиталь обязал санбат проследить за приёмом генералом лекарств, так как лежать во время наступления последний был против. Закончились горькие дни отступления, теперь Красная армия рвалась вперёд, отбирая у врага пядь за пядью клочки своей земли. И вместе с армией в одном строю, в окопах, часто и на передовой шёл маленький санинструктор, воспитанник санбата.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться! – чёткое воинское приветствие и представление удивили командира дивизии.

Об этом мальчонке он, разумеется, слышал, даже медаль ему вручал – «За боевые заслуги». Подтащивший патронные ящики и воду к задыхавшимся пулеметам, парнишка тогда сильно помог... Опять только чудом оставшись в живых, но помог. Генерал даже слышал, как ласково ругали мальчишку женщины из медсанбата, а он только краснел и оправдывался: «Ну, а кто, если не я?»

– Обращайтесь, – кивнул всё понявший командир дивизии.

– Вам таблетки пора принимать, – твёрдо произнёс маленький солдат. – И градусник ещё нужен... Вот, – протянул мальчик генералу необходимое.

– Спасибо, – поблагодарил комдив, думая о будущем таких девчонок и мальчишек, разбросанных по частям. Их было немало – пригретых солдатами, медсёстрами, даже командирами, шедших вместе с армией. Их объединяла ненависть. Жгучая, бескомпромиссная ненависть ко всем немцам, что могло стать проблемой, когда они войдут в Германию. А в том, что они дойдут, генерал был абсолютно уверен.

Тянулись дни службы, Герби уже и забыл про прошлое, иногда напоминавшее о себе ночными кошмарами. Мальчик был здесь на своём месте, его любили, дарили тепло, и ему совсем не хотелось обратно – туда, в своё время и страну, где он родился. Он сдружился с людьми, которые его окружали, ему нравилась служба в санбате – хотелось, чтобы так было всегда, и ему это твёрдо обещали.

Разведчики любили рассказывать Грише о своих хитростях, травить байки о походах в немецкий тыл. Их часто приносили в санбат ранеными, лежать было скучно, вот и

рассказывали мальчишке, у которого просто никого не было. Уже младший сержант медицинской службы, награждённый за своё бесстрашие, он охотно слушал и многое мотал на ус, хотя усов у него пока еще не было. А вот доктора занимались с ним серьёзно и анатомией, и физиологией, и пропедевтикой, и десмургией, и даже латынью. Так что через два года войны мальчик уже мог принимать самостоятельные решения на сортировке раненых.

Его, конечно, перепроверяли, постепенно убеждаясь: он действительно может, поэтому всё чаще просто доверяли. А ещё была Верка, ставшая Грише семьёй. Согреть мальчика старались все, но Верка – это была отдельная история. Поэтому мальчик считал, что просто обязан защитить и её, и других девушек, отчего лез на передовую наравне со всеми.

– Смотрю, фриц стоит, – рассказывал дядя Саша, он был разведчиком. – Да толстый такой...

– Толстого тащить, наверное, тяжело, – со знанием дела вставил Гриша.

– Сам побежал, как гранату увидел, – хмыкнул разведчик. – Ну, а то, что она без запала, ему не видно было, – разведчики рассмеялись.

– Лисицын! К командиру! – крикнула Верка, молодая совсем медсестра, обожавшая покомандовать.

Только вечерами девушка, бывало, плакала – однажды Гриша увидел. И хотя Верка накричала на него потом, но тогда он просто сел рядом и погладил её по голове, как когда-то, в самом начале, гладили его. Он рассказывал ей, что война закончится, наступит счастливая жизнь, и все-все будут радоваться. Мальчик очень хорошо понял, что девушка прятала своё горе за самоуверенностью, просто заглушая свою боль... Не она была первой, да и последней тоже...

– Мы перебазируемся, – сообщил капитан медицинской службы маленькому солдату. – Проследи за формированием колонны и припасами.

– Есть, – ответил Гриша. Смысла в этом приказе было немного, но он позволял держать мальчика под присмотром, что младший сержант отлично понял. Но был благодарен за то, что ему нашли дело, а не просто сказали «сидеть тут и не мешать».

Долгие версты войны... Американские грузовики, полученные по ленд-лизу, шли по запыленной дороге вслед за передовыми частями, чтобы в первом удобном месте развернуть полевой госпиталь. Прошла пора горьких отступлений, окружений, оставленных городов и деревень, теперь Красная армия забирала своё, и мальчик, глядя, как их встречают, понимал многое... А потом он слушал... Плачущие люди обнимали маленького солдата, как и других, благодаря.

– Надо же, такой маленький, а уже солдат, – умилилась женщина, выглядевшая очень старой. – Кушай, мальчик, кушай, – погладила она Гришу по голове, не вызвав отторжения. – Как только мамка-то отпустила...

– У меня нет мамы, – вздохнул младший сержант. – Ни мамы, ни папы, только санбат.

– Всё война проклятая, – всхлипнула женщина, глядя на сироту, обогретою солдатами. – Когда она уже закончится...

– Скоро, бабушка, скоро! – уверенно произнёс Гриша. – Скоро мы доберёмся до самого логова и придушим гадину!

Война научила его ненавидеть. Гриша и представить себе не мог, что может быть именно так. Сгоревшие деревни, воющие от горя женщины в черном, виселицы и... детские тела. Часто – изломанные последней мукой. Фашисты оказались гораздо страшнее всего, что

видел и знал Герби Дэрби, ставший Гришей Лисицыным.

Глава вторая

В это страшное место солдаты ворвались на рассвете, убивая палачей в чёрной форме. Это был первый детский лагерь, увиденный Гришей. Самый первый, а впереди их было ещё великое множество. Недалеко от деревни Красный Берег, опутанный колючей проволокой, стоял лагерь, в котором мучили и убивали... детей.

О том, что пускать в это место воспитанника не стоило, плачущие медсёстры подумали слишком поздно. Выживших детей – истощённых, голодных, больных – уже вывозили, и они лежали в палатках санбата, где медики пытались их спасти. Удавалось это далеко не всегда, ведь звери в чёрной форме выкачивали из детей кровь, чтобы перелить своим солдатам. Услышав от какого-то мальчика, что неделю назад привезли новеньких, пойманных гестапо, и кто-то ещё, может быть, жив, Гриша помчался в лагерь со всех ног, чтобы спасти, ведь он был воспитанником санбата, обязанным спасти *своих* от *этих*.

Он нашёл их. За бараками в большой яме лежали груды голых обескровленных мёртвых детских тел с характерными разрезами на ногах. Потом уже Гриша узнал, как палачи сливали детскую кровь, но тогда он просто замер, прикипев взглядом к девочке, в застывших глазах которой отражалось весеннее небо. Не веря тому, что видел, мальчик упал на колени, и дикий крик пронизал тишину мёртвого лагеря. Этот крик, почти вой, полный такого искреннего горя, что сжималось сердце, слышали и солдаты, и медсёстры, немедленно сорвавшись с места. Того, что видел Гриша, просто не могло быть, но оно лежало перед ним... Обескровленные тела и кого-то смутно напоминавшая ему, изогнутая в последней муке девочка.

Гриша был от страшного горя, не в силах сдержаться. От срывал горло криком, когда его нашли солдаты и вытащили из ямы. Глядя на множество детских тел, плакали даже закалённые боями седые мужчины. А мальчишке дали спирту, чтобы успокоить. Ведь раньше он такого не видел. Совсем юный солдат понимал, что сотворивших такое нужно просто уничтожить, ведь они не люди!

– Они все должны умереть! – боль обратилась в ненависть. – До последнего человека!

– Ох, Гришка... – обнимала его тетя Нина, сына которой утопили фашисты во время эвакуации. – Сколько нам ещё боли увидеть придётся...

Мудрая женщина понимала, что говорила... Солдаты шли по Белоруссии, на каждом шагу встречая следы страшных зверств. Казалось, именно белорусы что-то сделали немцам, ибо их уничтожали с такой же яростью, как и евреев. Сгоревшие деревни, детские лагеря по выкачиванию крови, сотни, тысячи погибших... Гриша уже не мог плакать, зато всей душой желал убить хоть одного «фрица».

Однажды в бою мальчик, подхватив тяжёлую ещё для него винтовку, начал стрелять. Снаряд попал прямо в траншею, убив многих, и немцы могли бы прорваться, если бы не остро ненавидевший их ребёнок. Гриша целился и стрелял, стрелял, стрелял, пока не подошло подкрепление с других участков. И столько было ненависти в нём самом, что враг не прошёл. Он стрелял и плакал от злости, от своего желания умереть, но унести с собой побольше врагов...

Эта девочка появилась в санбате потому, что её нельзя было транспортировать. Фашисты надругались над двенадцатилетней девочкой, попытавшись затем как-то медленно убить – как, Гриша не понял. Её прооперировали, но... Маша не говорила, только смотрела в

потолок, почти ни на что не реагируя, и мальчик пытался её расшевелить, рассказывая сказки, кормя, иногда насильно. Всё было тщетно... Однажды утром Маша просто не проснулась. И глядя на тело девочки, которую замучили проклятые фашисты так, что она просто не могла больше жить, Гриша плакал. Война научила его ненавидеть, и он ненавидел проклятых фашистов каждой клеточкой своего тела.

Потом были бои, и младший сержант снова бежал под обстрелом, чтобы спасти ещё одного солдата или офицера, мальчик не видел разницы, они все были солдатами. У кого-то в руке был автомат, а у него – бинты и медикаменты. Много говоривший с ним комиссар научил Гришу думать и понимать... А ещё Верка, ставшая очень близкой мальчику, доверяла ему, когда на душе становилось совсем плохо.

– Одни мы с тобой на всём свете, – говорила девушка, обнимая маленького солдата, неожиданно ставшего её семьёй. – Вот закончится война, и поедem мы в Ленинград.

– А почему в Ленинград? – удивился мальчик, не понявший связи.

– Я там жила до войны, на Васильевском, – объяснила Верка. – Там будет наш дом, будешь мне братом?

– Буду, – кивнул Герби, улыбнувшись. – Тебя надо защищать, чтобы не обидели, – пояснил он своё решение.

Пистолет-пулемет Гриша просто выпросил. Они шли по лесам Белоруссии, встречая следы зверств и... лагеря. С каждым таким лагерем ненависть мальчика только росла. Обескровленные тела, замученные, умершие от каких-то страшных болезней... Ни в чём не повинные дети, которых убили *эти*... твари.

– Больных корью в холодной воде купали, – Верка слепо смотрела в серое небо, смоя папиросу за папиросой. – А это нельзя! И эти твари знали это, Гриша! Знали и убивали деток!

Даже врачи не выдерживали. Наслушавшись, воспитанник уходил к солдатам, чтобы пострелять в *этих*. Только к пленным мальчика не подпускали. Он не понимал, как немец может быть живым, просто не переносил вида живого фашиста, желая уложить в землю хоть одного. Зубами грызть. Пожалуй, это стало одержимостью.

Но опасно теперь было везде и всегда, потому что разрозненные группы *этих*, да ещё и просто бандиты... Поэтому оружие мальчонке выдали, уча его стрелять, отсекая понемногу. Одиночные у него не получались, но вот по три-четыре выстрела – вполне выходило. Мотив у Гриши был простым – нужно защитить раненых и... Верку. Поэтому мальчик таскал тяжёлое для него оружие вместе с санитарной сумкой. Тринадцать лет, хорошее питание, физнагрузки – всё это уже вполне позволяло не быть унесённым отдачей.

Бой за боем двигались они по своей земле. Хотя комиссары, которые назывались замполитами, пытались избавить солдат от желания рвать немцев зубами, но мальчик был в том возрасте, когда для него существовали свои и все остальные, без полутонов. Верка часто проводила вечера с Гришей, мечтая о мирном времени, рассказывая о довоенной жизни. И в этих рассказах Гриша постигал то, чего у него не было никогда.

В ту ночь Грише не спалось. Он вышел за ворота дома, где отдыхал, сам санбат стоял чуть поодаль, но врачи посчитали, что нечего пацану спать в палатке, когда стоит такой хороший дом, поэтому там расположили тяжёлых раненых и Гришку. Вот он вышел почти за околицу, когда увидел, как из недалекого лесочка надвигались люди, светя себе фонариками.

Мальчик залёг в кусты за холмик, как учил дядя Саша, снял оружие с плеча и осторожно сдвинул вперёд предохранитель, чтобы потом очень тихо взвести курок правой рукой. Неизвестные медленно подходили, и по тому, как они шли, Гриша понял – это враги. Раскрыв и уперев в плечо приклад, мальчик прицелился. Его первая очередь всполошила охрану госпиталя. Несколько врагов упали, фонарики погасли, а Гриша всё стрелял, будто угадывая, где они спрятались. Граната разорвалась совсем рядом, когда первая машина с солдатами уже была недалеко, и мир погас для Григория Лисицына.

Когда маленький младший сержант очнулся, вокруг было темно, а кто-то почти неслышно всхлипывал рядом. Очень сильно болела голова, но мальчик нашёл в себе силы открыть глаза, увидев при этом плачущую Верку, повторяющую: «Не умирай, братик».

– Я не умру, – хрипло проговорил мальчик, и был тут же обнят девушкой.

– Мой маленький герой, – прошептала Верка, глядя его по забинтованной голове. – Я так испугалась!

– Ну, нужно же было тебя защитить... – немного виновато проговорил Гриша.

– Ну, где тут наш герой? – к койке подошёл товарищ капитан. – Очень неплохо... Очень даже, молодец!

В санбате Гришка провалялся две недели, став за это время сержантом и получив из рук генерала «отважную» медаль. Медаль «За отвагу» очень ценилась на фронте, это мальчик знал, а ещё его поздравляли и благодарили врачи и медсёстры, отчего даже хотелось плакать.

– Выживи, пацан, – попросил его товарищ генерал. – Очень тебя прошу, выживи!

– Есть выжить! – ответил ему Гришка, давно забывший, что такое предательство близких.

– Мой брат – настоящий герой, – Верка уже привыкла к мысли, что она больше не одна, как и мальчик знал, что у него есть сестра, санбат и вся Советская страна.

Маленькую девочку принесли солдаты, ей было навскидку лет пять. Она не откликнулась ни на одно имя, почти не ходила и смотрела вокруг глазами, полными ужаса, подпустив к себе почему-то только солдат и Гришку с Веркой. Именно им малышка позволяла мыть себя, кормить, не падая в обморок и не сжимаясь от страха. Так у Гриши появилась младшая сестрёнка, Машенька. Очень уж девочка была похожа на иллюстрацию из книжки сказок, найденной Гришей ещё в сорок втором в разбомбленном доме. Их стало трое...

Истощённые узники... Девчонки и мальчишки... Большею частью они были старше Гриши, но ему хотелось обогреть каждого. А для них... Для них он был освободителем, долгожданным святым ангелом, пришедшим, чтобы спасти. И совсем юного солдата, занимавшегося истощёнными людьми, обнимали и целовали не сдавшиеся люди. Знать, что тебя ждут, что для кого-то ты являешься очень важным, было необыкновенно.

Какой-то очень усталый дядя из узников рассказывал Грише об организации подполья в концлагерях. Он, казалось, сам не понимал, что и кому говорит, просто рассказывал, рассказывал, рассказывал всю ночь, а наутро умер. Не всех можно было спасти, и этот факт наполнял сердце сержанта болью, но... Нужно было жить дальше.

Обосновавшись в небольшом, покинутом хозяевами доме, три медсестры и Гриша с Машенькой, уже начавшей потихоньку говорить, обустроивали своё временное жильё. Война катилась к концу, совсем скоро они поедут, как мечталось, в загадочный и чудесный город Ленинград, о котором так любила рассказывать Верка. Там у них будет много хлеба,

мороженое, как до войны... Девушка так вкусно рассказывала о том, как на круглую вафлю выдавливается кругляш удивительно вкусного мороженого, прикрытого бумажной обёрткой... Но счастье было не в мороженом, а в... семье?

– Так, Гришка, а ну-ка иди, погуляй, – улыбочивая Верка прогнала сержанта на улицу. – Сейчас будем нашу красавицу купать.

Дело было даже не в купании Машки, а в том, что помыться собирались и старшие девушки, пацана как раз стеснявшиеся.

– Хорошо, Вера, – улыбнулся мальчик, выходя на улицу. До линии фронта было не так далеко, о чем говорили «бухи» полковой артиллерии, расположенной совсем недалеко – гаубицам было нужно расстояние, это Гришка уже знал.

Отойдя от дома, мальчик присел на скамеечку, подставляя лицо весеннему солнцу. Вокруг бегали солдаты и санитары, проезжали танки и самоходные установки, отличавшиеся неподвижной башней, что значило – скоро наступление. Ещё один рывок к вражьему логову, к Победе. Эта всеобщая мечта о Победе стала и мечтой когда-то английского мальчишки, уже почти забывшего своё прошлое. Да, сейчас бы он не цеплялся за дом, как тот десятилетний мальчик, которым он был в своей прошлой жизни, а сбежал бы, но сейчас он был сержантом медицинской службы, награждённым медалями, нужным многим людям. У него были сёстры и санбат – огромная семья.

Неизвестно откуда прилетел этот снаряд. Может быть, фрицы «докинули», как говорили артиллеристы, или же свои ошиблись с наводкой, что редко, но тоже случалось на войне. Этот момент не раз потом приходил в снах к Григорию Лисицыну: взлетающие вверх, разлетающиеся в стороны доски, кирпичи, цементная пыль – то, что осталось от их небольшого дома после попадания снаряда. Мальчика ударной волной сдуло со скамейки, что и спасло ему жизнь, а вот девчонкам...

Потом он бежал к дому, пытался разобрать то, что от него осталось, надеясь, что хотя бы кому-то из девчонок повезло. Рядом были солдаты, бросившиеся на помощь отчаянно кричавшему мальчишке. Гришка что-то тащил, его пытались оттолкнуть, но мальчик упорно растаскивал обломки, ломая ногти, пытаясь докопаться до родных. Он их и нашёл – изломанное тело Верки в одной рубашке и то, что осталось от Машеньки. От полного горя вопля мальчишки замерли все вокруг. Гриша снова был один.

– Давай, поешь, – пожилая медсестра принесла Грише тарелку каши с тушёнкой. – Надо есть, чтобы были силы.

Мальчика хотели отправить в тыл, но начальник санбата не дал, сказав, что тот просто не выживет.

– Зачем мне силы... – почти сломленный сержант, второй раз, как думали окружающие, потеряв семью, просто не чувствовал себя в силах жить.

– Как ты думаешь, Вере понравилось бы такое поведение? – упрекнула женщина. – Ты теперь должен жить, чтобы отомстить!

– Отомстить...

То, что зря она сказала именно так, Зинаида Тимофеевна поняла намного позже, но тогда эти слова оживили мальчишку, дав ему смысл и цель.

И Гришка снова отправился на передовую, спасая, вытаскивая раненых, он не кланялся ни пулям, ни взрывам, как будто мальчику было совершенно наплевать на то, будет ли он жить. Но пули будто сторонились его, не желая прерывать эту жизнь. Часто поглядывавший в сторону Гриши комдив уже готовился подписать приказ, который, по мнению взрослого

человека, мог бы спасти жизнь отчаянного мальчишки.

Ворвавшиеся на станцию солдаты увидели этот вагон с хорошо известной им надписью и сразу бросились к нему. Тот факт, что вагон с надписью «RUS» оказался пустым, никого не обрадовал, нужно было спешить. Гришка бежал вместе со всеми, надеясь на то, что хоть кого-то сумеет спасти. Что сейчас происходило, солдаты уже понимали – проклятые фашисты выливали кровь из детей, чтобы влить её своим раненым. Шансы успеть были, но вражеский госпиталь неожиданно ответил огнём.

Пока солдаты медленно, под обстрелом, продвигались вперёд, Гришка, увидев небольшое окошко сбоку здания, рванулся туда. Где могут быть фашисты, он себе уже представлял – это был не первый госпиталь такого плана. Ударив ногой в дверь, мальчик понял, что почти опоздал. *Эти* как раз убивали, видимо, последнюю девочку, но успеть было можно и, уложив *этих* одной длинной очередью, Гришка рванулся на помощь девочке.

Отложив автомат, он нашарил санитарную сумку, чтобы оказать первую помощь, но стоило ему только обнять девочку, как внезапно всё вокруг залил очень яркий белый свет...

– Да, товарищ генерал, – докладывал комдиву начальник госпиталя. – Даже тела не осталось, непонятно, что произошло, но вспышку видели многие.

– Эх, не дожил наш Гришка, – вздохнул комдив. – Хорошо, пиши его навечно... Хоть так до Берлина дойдёт.

Глава третья

Виолетта Стоун жила с мамой и папой, семья её была вполне счастливой, по крайней мере, по её мнению. Ни о каких колдунах девочка и слыхом не слыхивала, откровенно считая всяких колдунов и магов сказкой. Она училась в школе, где её не особо любили из-за характера. А в характере девочки были виноваты всякие дяди и тётки, приходившие в гости в семью Стоун.

Приходили они в гости к маме, но их дети оставались поиграть с Виолеттой, а дети офицеров – это отелльная сказка. Девочка росла с уверенностью в том, что с ней ничего случиться не может, и она знает лучше, как правильно. Впрочем, учиться ей это не мешало, скорей, не отвлекало на всякие, по её мнению, «глупости».

С отличием окончив начальную школу, Летта, как сокращённо называли её родители, проучилась год в средних классах, когда произошло нечто, что полностью лишило девочку опоры под ногами. Она была уже большой, двенадцати лет, поэтому из школы домой возвращалась сама. Вот на пути к автобусной остановке это и случилось. Рядом с ней затормозила какая-то чёрная машина, оттуда выскочили люди в костюмах такого же цвета и, заткнув рот девочке, погрузили её в транспорт.

Летта, разумеется, вырывалась, пытаясь кусаться, но добилась только чувствительных ударов, один из которых попал по голове, отчего она потеряла сознание. В себя девочка пришла, будучи полностью раздетой, что её очень испугало. Была она заперта в какой-то камере без окон. Стены оказались железными, на полу стояла миска с чем-то непонятным и лежал кусок хлеба. Неподалёку обнаружилось ведро, предназначения которого девочка сначала не поняла. Но туалета не было, поэтому пришлось воспользоваться ведром.

На уроках в школе рассказывали, зачем злые дядьки крадут маленьких девочек, поэтому Летта после истерики, просто тряслась от страха, сидя в полумраке. Откуда поступает свет, она не поняла – никаких ламп нигде не было видно. Иногда всю камеру, где она находилась, слегка покачивало, что было похоже на корабль.

Летта плакала, страшась своей судьбы. Однажды дверь лязгнула, и в камеру вошёл мужчина, одетый во всё чёрное. Он с брезгливостью посмотрел на девочку, видимо, решив что-то объяснить. Правда, сделал он это в какой-то странной манере:

– Ты – недомаг, почти животное, – сообщил этот мужчина. – Твоя кровь не годится даже на ритуал, поэтому ты принята в школу Высшего Колдовства.

– Но я не хочу! – выкрикнула Летта и была награждена за это сильной оплеухой, от которой потемнело в глазах.

– Тебя не спрашивают, чего ты хочешь, – проинформировал её мужчина. – Ты будешь учиться, как велит договор, а иначе пожалеешь.

– Верните меня домой! – заплакала Летта, но этот страшный мужчина поднял руку, что-то свистнуло – и пришла боль.

Девочку никогда раньше так не наказывали, поэтому сообразить, что её бьют, она смогла не сразу, а мужчина в чёрном остервенело лупил её какой-то свистящей штукой, пока девочка не сорвала горло от крика. Дверь захлопнулась – её мучитель ушёл, оставив на полу исполосованное тело. Летта медленно понимала, что выхода нет.

Оказалось, что она действительно находилась на корабле. Через ещё один бесконечно долгий срок из открывшейся двери в неё бросили бельём и платьем, а голос из темноты

посоветовал быстро одеваться, если она не хочет пожалеть ещё сильнее. Испуганная Летта не хотела, поэтому оделась очень быстро. Через некоторое время её вывели куда-то наверх, где было солнце, корабль, стоявший у причала, и передали какой-то даме.

– Недомаг, – скривилась та, глядя на Летту. – Идёшь за мной молча. Вопросы задавать будешь в школе и не мне, это понятно?

– Понятно, – пискнула девочка, немедленно получив ещё одну оплеуху, от которой чуть не упала.

– Я сказала, молча! – зло проговорила женщина. – За мной!

Не решившись больше ничего говорить, Летта, у которой звенело в ушах, шла за неизвестной, тоже одетой в чёрное, как и тот страшный мужчина, сделавший ей так больно. Когда у Летты уже подгибались ноги от усталости, они дошли до какого-то мрачного здания. Девочке казалось, что здесь её точно убьют, отчего она всё сильнее дрожала.

– Ты должна войти внутрь, пройти по коридору до синей двери и войти в неё, – проговорила женщина в чёрном, сильно толкнув Летту в сторону входа.

Молча, закрываясь руками, девочка пошла, куда было велено. От страха у неё дрожали ноги, но не сделать, как ей сказали, казалось ещё более страшным. Дойдя до синей двери, Виолетта постучалась и вошла внутрь. За большим столом из красного дерева сидела полная, совсем не зло улыбающаяся женщина, приветливо пригласившая девочку проходить.

– Зовут тебя Виолетта Стоун, а меня – мадам Ингрид, – сообщила улыбающаяся мадам. – Ты здесь для того, чтобы учиться колдовству. Суть договора колдунов и людей ты выучишь на уроках, но могу тебе точно сказать, что родителей ты больше никогда не увидишь.

– Почему?! – поразила Виолетта.

– Потому что твоё место среди нас, девочка, – объяснила ей мадам Ингрид. – Поэтому ты считаешься сиротой и не должна покидать школу, а иначе охрана, с которой ты познакомилась по дороге, будет делать тебе очень больно. Это понятно?

– Понятно, мэм, – прошептала девочка, в ужасе глядя на женщину.

– Здесь таких, как ты, не очень любят, – проинформировала её мадам Ингрид. – Поэтому ты будешь хорошо учиться, чтобы не было больно. Мы договорились?

– Да, мэм...

Женщина хлопнула в ладоши, глядя на дверь. Через несколько секунд дверь открылась, в неё вошла девушка лет пятнадцати, сразу же сделавшая книксен. Платье на девушке было такое же, как и на Летте – серое с синей полосой по низу юбки. Скорей всего, это что-то значило, но вот что именно, девочка не понимала. Женщина ещё раз улыбнулась.

– Мира, – мягко произнесла она. – У нас новенькая, сирота, покажи ей и объясни всё.

– Да, мэм, – девушка ещё раз присела в книксене.

– До свидания, – попрощалась Летта, выходя вслед за Мирой.

– У родителей украли? – тихо произнесла та, тихонько вздохнув. – У нас большинство так. Есть те, у кого родителей прямо на глазах убили, так что тебе ещё повезло, для большого мира мы – колдовское семя, там на нас охотятся спецслужбы, а здесь хоть жить можно...

– А там... те... ну... чёрные... – девочка не находила слов, чтобы объяснить свои чувства.

– Это ауфзееры, – вздохнула Мира. – Не дай Бог им попасться, в лучшем случае изобьют до полусмерти. Поэтому бежать некуда, тем более, мы на острове.

– Никаких шансов? – в ужасе широко раскрыла глаза Виолетта. – Совсем-совсем?

– Мы на острове, – медленно объяснила девушка. – В прошлом году одна решила бежать.

Не знаю, что с ней сделали, но кричала она почти пять часов... Лучше быть живой, чем так...

– Выхода нет... – опустила девочка глаза. – И что здесь?

– Уроки, как в обычной школе, – пожалала плечами Мира. – Учат колдовать, поэтому раньше или позже можно узнать что-то, что поможет бежать, главное, не попадись тем, у кого полоса чёрная.

– А они... – удивлённо спросила Летти. – Они что?

– Это ритуалисты, – пояснила Мира. – Могут с тобой такое сделать... И ничего им за это не будет, потому что мы – недомаги, понимаешь?

– Страшно... – прошептала девочка.

В этой «школе» было действительно страшно, к тому же всё, что говорила Мира, о чём-то напоминало Виолетте, что-то такое она видела или читала, вот только не помнила, что именно. Но запомнив, что можно, а что нельзя, Летта принялась готовиться к урокам.

Уроки должны были начаться на следующей неделе – ей дали время обжиться, поэтому девочка смирилась, решив оставить пока мысль о побеге. Но на уроки ей попасть было не суждено – возвращаясь из библиотеки, Виолетта в какой-то момент почувствовала, что не может двинуться с места. Из темноты коридора на неё надвигались несколько старших парней и девушек, смотревших на девочку, как на отбросы.

Пытаясь разглядеть обозначения на форме, Виолетта похолодела – полоса была чёрной, а это значило, что она в лучшем случае умрёт, а что будет в худшем, даже и думать не хотелось.

– Глядите-ка, животное с негодной кровью! – обрадованно произнесла, злобно усмехнувшись, незнакомая девушка. – Вот на ком мы артефакт испытаем!

– Очень хорошая мысль, – проговорил юноша, находившийся рядом с ней. – Раздевать будем? Может быть...

– Ой, фу, – скривился другой парень. – Так испытаем. Что там было написано? Провернуть против часовой стрелки?

– Да, ещё, правда, место нужно... – задумчиво проговорила девушка. – А давайте, случайно координаты выставим?

Трое старших школьников спокойно обсуждали детали своего плана, не обращая внимания на застывшую от ужаса Виолетту. Она и хотела бы закричать или убежать, но не могла и двинуться. Наконец, на девочку наставили что-то, похожее на ритуальный нож, и единственная среди мучителей девушка начала медленно приближаться к Летте. Когда, казалось, горевший синим мертвенным светом нож уже был готов впиться в живот Виолетты, что-то произошло. Ярко вспыхнул свет – и всё исчезло.

Виолетта упала на грязный снег, прямо под ноги какому-то мужчине в странной чёрной форме. В следующее мгновение её схватили за волосы и куда-то потащили. Когда девочка закричала, то почувствовала боль на спине, как будто её чем-то ударили. Потом её швырнули во что-то, напоминающее тёмную комнату. Упав, Виолетта больно ударилась головой и, кажется, на мгновение даже потеряла сознание. Комната дёрнулась и куда-то поехала, колёса застучали на стыках рельс – и девочка поняла, что это вагон. Открыв глаза, она не увидела привычной внутренней обстановки поезда – только деревянный пол, на котором сидели дети. Кто-то

молчал, кто-то громко плакал, но их было очень много – этот странный вагон был буквально забит ими.

Какая-то девочка что-то у неё спросила, судя по интонации, но мисс Стоун ничего не поняла. Она шокировано оглядывалась – ведь только что вокруг была колдовская школа. Летта вскочила, подбежала к двери вагона и начала стучать, требуя её выпустить. Она кричала по-английски и по-французски, пока не охрипла. Тогда Виолетта села прямо на пол у двери и заплакала. Ей почему-то было очень страшно. Ещё страшнее, чем когда её поймали эти, с чёрной полосой.

– Ты не смочь бежать, – коверкая слова, сказала ей какая-то девочка лет десяти. – Теперь ты ехать, а потом смерть.

– Почему? Почему?! За что? – этот ребёнок явно знал, что говорил.

– Недочеловек, – десятилетке явно не хватало слов, но Виолетта поняла, ведь совсем недавно она слышала что-то подобное.

– Нет-нет-нет, это не может быть правдой! – воскликнула Летта и попыталась закричать ещё раз, но в последний момент испугалась и замолчала.

Вагон ехал несколько часов, а потом остановился. С грохотом открылись двери, кто-то что-то крикнул. Девочку опять схватили за волосы и вышвырнули из вагона. Она упала на каменную насыпь, но затем последовал удар. Какой-то мужчина в странной униформе что-то выкрикивал и бил детей тонкой палкой, пока они не сбились в толпу. Их разделили по возрасту, насколько поняла Виолетта, а потом погнали в сторону двух приземистых деревянных строений. Слева и справа доносился лай, там стояли охранники с собаками, рвавшимися с поводков. Девочке собаки показались огромными – раза в три больше обычных. Гнали детей бегом, подстёгивая очень болезненными ударами, отчего все вокруг кричали.

– Ausziehen!¹ – послышалась команда, которую, по-видимому, поняли немногие.

– Раздеть, – та же десятилетняя девочка из поезда, всхлипывая, расстёгивала платье. Она повторила ещё раз для Летты: – Всё раздеть.

Идея раздеваться Летте не понравилась, поэтому она замешкалась, но лишь для того, чтобы в следующий момент взвыть от боли – странные люди в чёрном били её с каким-то остервенением, даже большим, чем те, чёрные, на острове, отчего Виолетта даже не могла закрыться. Наконец, от неё отошли, ожидая любого повода продолжить. Девочка принялась быстро раздеваться, едва находя пуговицы дрожащими руками. Она видела, что все дети вокруг уже раздеты догола и дрожат от холода. Не желая снова испытать то, что случилось только что, Виолетта разделась полностью и замерла, дрожа от холода и пытаясь прикрыться.

Дальше их всех остригли налысо и погнали куда-то – по снегу голыми. Это было очень страшно, ещё и больно, потому что бить их при этом не переставали. Душ под ледяной водой заставил просто дрожать крупной дрожью, но потом Летту отделили от остальных и, не давая никакой одежды, куда-то повели. Девочка пыталась что-то сказать, но добилась лишь сильного удара по лицу, отчего из разбитой губы пошла кровь. Били её сейчас намного сильнее, чем в Англии, но она больше не смела плакать, лишь дрожала от боли, страха и холода.

Летту завели в какой-то кабинет, похожий на медицинский, где её сразу же принялись осматривать двое в такой же чёрной униформе и наброшенных сверху белых халатах. Ей ощупали голову, надавили на глаза, осмотрели рот, затем, безжалостно давя на ребра,

осмотрели спину и живот.

– Und?² – поинтересовался тот, кто её привёл.

– Aussicht nicht wie Jude oder Slawe³, – ответили ему. – Wir könnten ein Experiment machen – stimulieren, bis sie seine Muttersprache spricht⁴.

– Gute Idee!⁵ – обрадовался тот.

– Что вы делаете?! – воскликнула девочка, когда её привязали к чему-то деревянному.

И пришла боль. Она все усиливалась, пока не закрыла всё сознание Летты. Такой боли она не испытывала даже в той железной камере. Такой жуткой, лишающей соображения боли в её жизни ещё не было. Сорвавшая в крике горло девочка потеряла сознание. А немцы переглянулись. Получалось, что перед ними француженка, непонятно как оказавшаяся в лагере, куда свозили славян.

– Auschwitz?⁶ – поинтересовался один из немцев.

– Einem Untermenschen zuliebe Transport schicken? Sie sollte in der Kinderbaracke arbeiten!⁷
– решил, видимо, старший.

Летту облили водой и по-французски объяснили, что она теперь номер, который нужно выучить. Её работа – ухаживать за детьми, выбрасывать трупы и даже не думать о побеге, иначе – смерть.

Девочка попыталась что-то объяснить, но ей показали окровавленную палку, поинтересовавшись, не хочет ли она ещё. Виолетта абсолютно точно не хотела. Поэтому её голой по морозу бегом погнали к деревянному строению, называемому баракком, бросили на пол и швырнули что-то, что нужно было надеть.

От такой перемены, от боли в спине и ниже, Виолетта разрыдалась. На её плач дверь барака распахнулась, через мгновение девочка услышала свист, и новая боль обожгла её, давая понять, что плакать теперь тоже нельзя. Немного придя в себя, Виолетта с трудом поднялась на дрожащие ноги, пытаясь запомнить, что она больше не Виолетта Стоун, а выданный ей номер. Четыре цифры этого числа нужно было произносить на чужом языке. Мисс Стоун подумала, что просто сошла с ума.

Глава четвертая

Как она попала в это страшное место, Летта не знала. У неё отняли всё – одежду, волосы, даже имя. Она теперь была просто номером, а вокруг неё – дети, от самых маленьких до тех, кто был постарше, которые тоже были номерами и у которых она даже боялась спросить, как их зовут. Вернее, звали в прошлой жизни. Платье из какой-то грубой ткани тревожило незажившие шрамы от избиения на спине, а белья, как Летта поняла, ей было не положено. Дети вокруг болели и умирали. Они умирали сами от болезней, потому что никакой медицинской помощи не было, они умирали от каких-то манипуляций, а ещё их травили. Звери в чёрном убивали детей, и Летта ничего не могла с этим сделать. Пытаясь кого-то защитить, она неизменно нарывалась на побои – ее били так, что она теряла сознание, а спрятавшиеся малыши просто рыдали.

Ещё она учила язык. Десятилетняя девочка вместе с мисс Стоун ухаживала за детьми, показывая, как правильно помогать малышам, и учила её языку. Еды было очень мало – заплесневелый хлеб, какая-то бурда, называвшаяся супом... Хлеб надо было размачивать, чтобы малыши могли его поесть. Зачастую Летти отдавала свой хлеб младшим, чтобы эти ещё ничего не видевшие в жизни дети прожили хотя бы ещё немного. Стараясь спрятать от извергов малышей, она сама подставлялась под плети озверевших нелюдей.

– Чёрные – это эсэс, им нельзя смотреть в лицо, – учила Летту младшая девочка по имени Анна. – Нужно быстро произносить свой номер и молиться про себя.

– Как молиться? – не поняла Виолетта.

– Как умеешь, – вздохнула Анна. – Чтобы прожить ещё один день.

– Нас всех убьют? – спросила Летта, ранее такого себе даже не представлявшая.

Она не могла поверить, что к детям можно так относиться – избивать, резать, выкачивать кровь, убивать, разбивая голову оружием...⁸ Это было очень страшно – весь этот лагерь. Но постепенно чувства отмирали – малыши умирали каждый день, часто даже у неё на руках. Те, у кого выкачивали кровь, просто засыпали и больше не просыпались, не мучаясь. Те, кто заболел, иногда мучились два-три дня, страдая от жара и боли... А иногда их живыми ещё забирали, чтобы убить. Летта знала, что однажды её убьют точно так же, как и всех остальных. Отсюда, как и из той «школы», выход был только один – «мор-экспресс»⁹.

Тянулись дни, которые юная мисс Стоун перестала считать. Она медленно продвигалась в изучении языка, на котором здесь говорило большинство детей, рассказывала сказки умирающим детям, пела им песенки. День изо дня. Становилось всё холоднее, а потом вдруг потеплело. Так Летта узнала, что дожила до весны, но это её уже не трогало. Регулярные избиения, а главное – множество смертей у неё на глазах сделали своё дело – Виолетта уже почти ничего не чувствовала. Били за что угодно – за попытку спрятать заболевшего ребёнка, за попытку украсть немного еды, чтобы покормить жалобно смотревших малышей, не имевших сил даже плакать, за взгляд в глаза своей смерти, которой здесь был каждый человек в чёрной униформе.

Её называли *мамой*. Спустя совсем небольшой срок малыши, у которых была только она, стали называть её мамой и полюбили так, как никто и никогда не любил ещё девочку. Летта находила в себе силы, чтобы обнять каждого и каждую. Стыд и стеснение куда-то делись, как будто не было их. Сильно похудевшая Виолетта Стоун постепенно забывала своё имя и фамилию, давно уже в душе попрощавшись с родителями. Она знала: отсюда выхода не было.

Время от времени приезжали какие-то машины, привозили новеньких взамен погибших, а иногда детей забирали группами. Все знали – куда. В немецкие больницы, чтобы выкачать всю кровь. Они всё-всё знали, да и не скрывали от них ничего страшные *эти*, чёрными тенями мелькавшие то здесь, то там. Готовые спустить собаку на зазевавшегося узника, находившие веселье в крике ребёнка... Нелюди.

Летта крепко-накрепко запомнила, что человек в чёрном – страшный. Он может убить её в любую минуту, сделать очень больно или что-нибудь ещё похуже. Насилия девочка давно уже перестала бояться. Потому что каждый день с ней происходило что-то намного более страшное.

В неизвестный день неважно, какого месяца Летту вызвали к одному из офицеров, выдали лист бумаги и приказали разучить с детьми песню, пригрозив, что если не справится, то очень сильно пожалеет. На бумаге был записан текст песни. Номер девять-ноль-четыре-пять предполагала, что это песня палачей, но тем не менее бросилась со всех ног в детский барак, чтобы выполнить приказ *этого*.

Разучивать было сложно, потому что немецкого номер девять-ноль-четыре-пять не знала, но тут помог английский, к тому же кто-то из девочек вспомнил, как эту же песню пели пьяные *эти*, поэтому стало попроще. Потихоньку девочка справлялась, повторяя с малышами слова чужой песни на ненавистном языке.

Через пять дней песню, исполненную дрожащими детскими голосами, прослушало какое-то высокое начальство, похлопало, затем приступив к трапезе. Они кидали на пол кусочки еды, а изголодавшиеся дети кидались к этим кусочкам, желая подобрать и съесть прямо с пола. Гогочущие *эти* находили это смешным, развлекаясь таким образом. Такие «праздники» начали повторяться. С чем это было связано, номер девять-ноль-четыре-пять не знала.

Малыши мечтали, что однажды придут «наши» и убьют всех *этих*. Какими же волшебными были мечты совсем маленьких детей о «наших». Полузакрыв глаза, девочка Анна рассказывала о рыцарях с красными звёздами на лбу, которые абсолютно точно придут, чтобы спасти всех, кого не успеют убить *эти*. Виолетта перенимала эти мечты, тоже начав думать о «наших» – великих рыцарях с красными звездами на лбу. Но шли дни, а «наши» всё не приходили.

Ближе к лету число детей, увозимых санитарными машинами, выросло. Это значило, что у *этих* на фронте возникли проблемы, вот только детям это помочь никак не могло. Всех их ждала смерть. И, судя по всему, очень скорая. Одним из свидетельств этого стал весенний день неизвестного месяца и числа. В барак ворвались *эти*, они отобрали два десятка детей, которые не были больны, погнав их в сторону станции вместе с Леттой. Номер девять-ноль-четыре-пять уже знала, что нужно бежать и не спрашивать, потому что *эти* готовы спустить с поводков овчарок, как уже было однажды. Крик растерзанного собаками ребёнка, казалось, до сих пор стоял в её ушах.

Они бежали вперёд, а за спиной что-то вжухнуло, и раздался отчаянный детский крик, больше похожий на вой. *Эти* сожгли всех оставшихся. Там же сгорела и та десятилетняя девочка Анна, которая помогала Летте с самого начала. Думать об этом было, несмотря ни на что, очень больно. Девочка понимала, что их везут на смерть, что спасенья нет, но ей было больно за погибшую в огне Анну.

На станции их загрузили в вагон, в котором обнаружили даже нары. Раздав каждому по маленькому кусочку хлеба, Летта просила детей не съедать его, а рассасывать, как

леденец. Впрочем, они и так это знали. С кусочком хлеба за щекой есть хотелось не так сильно. Поезд двинулся вперёд. Дети – все, как на подбор, голубоглазые и светловолосые – знали, что едут в свой последний путь. Знала это и номер девять-ноль-четыре-пять, хотя внешне от них отличалась. Сожаления не было. Она отвыкла о чём-то сожалеть. Рано или поздно это должно было случиться, и лучше так, чем в газенвагене¹⁰.

Наверное, «наши» были близко, именно поэтому *эти* решили убить их всех. Дети жались поближе к своей «маме», чтобы провести последние часы с самым родным человеком. Вагон раскачивался, стуча колёсами по рельсам, но никто не спал. Кто-то плакал, кто-то просто с тоской смотрел в маленькое зарешёченное окошко под самым потолком. Они ехали навстречу смерти, что значило – «наши» не успели...

– Давайте я расскажу вам сказку, – предложила Летта. – А потом мы споём песенку, чтобы веселее ехалось.

– Всё равно ведь уже, мама... – вздохнул какой-то мальчик.

– Не будем радовать палачей, – строго произнесла номер девять-ноль-четыре-пять, потянувшись, чтобы погладить его по голове. – В некотором царстве, некотором государстве...

– А наши отомстят *этим*? – тихо спросила почти не помнившая своего имени Алёнушка, когда сказка закончилась.

– Обязательно отомстят! – уверенно сказала Летта. – Закопают в землю каждого *этого*. Каждого! Даже не сомневайся!

– Тогда не страшно, – робко улыбнулась малышка.

Говорила Летта с мягким акцентом, придававшим нотку сказочности, поэтому дети заслушались, перестав бояться. Потом они пели песенки, свои, русские, и французскую, которой их учила номер девять-ноль-четыре-пять. Так прошёл день, затем ночь, а рано поутру их всех выгнали из вагона. Оказавшись в грузовике, Летта, вспомнившая своё имя вместо номера девять-ноль-четыре-пять, рассказывала детям, что они едут в волшебную страну, где много свежего хлеба, молока и никогда не будет палачей. Надо только чуть-чуть потерпеть.

– Мы потерпим, мама, – пообещала пятилетняя Варя, так и не забывшая своё имя. – А можно и ты там будешь?

– Я постараюсь, – улыбнулась Летта.

– Мы будем тебя ждать! – пообещала малышка. – И искать будем, обязательно! Потому что, как же без мамы?

– Я приду, Варенька, – улыбнулась ей номер девять-ноль-четыре-пять.

Эти оставили её напоследок, заставив смотреть на то, как умирают дети, совсем недавно называвшие Летту мамой. Девочка смотрела и молча плакала, видя, как умирают совсем малыши, как гаснут их глазки, и как выносят наружу навсегда замершие тела. А затем *эти* приказали раздеться и ей.

Это значило – всё скоро закончится. И она была почти рада этому. Она больше не будет видеть умирающих детей. Больше не будет ни битья, ни криков, ни бешеных собак, ни *этих*... Номер девять-ноль-четыре-пять чувствовала, как по капле её покидает жизнь. Навалилась сонливость, что означало – скоро конец, но именно в этот момент что-то произошло – дверь будто сорвало с петель, в комнату, где их убивали, ворвался кто-то в зелёном, простучала автоматная очередь – и *эти* сдохли! А потом ворвавшийся кинулся к ней, и Летта увидела ту самую красную звезду – на смешной шапочке, похожей на пирожок,

надвинутой на самый лоб спасителя. Всё вокруг вдруг вспыхнуло нестерпимым белым светом, но девочка уже увидела – «наши» пришли!

Очнувшись, Гриша в первую очередь проверил оружие и облегчённо вздохнул – верный ППС оказался рядом. Мальчик огляделся, приподнявшись – поодаль лежала бледная девочка, которую чуть не убили *эти*, а сам он находился, судя по всему, в лесу. Решив не подниматься на ноги, он подполз к девочке и принялся привычно оказывать первую помощь. Девочка была голой и очень худой – кожа и кости. Гриша знал, что такие истощённые люди очень мёрзнут – посмотрелся на таких, поэтому надо было прежде всего придумать одежду, но вещмешок, как ни странно, тоже никуда не делся, поэтому проблема решалась.

В бой, конечно, вещмешок никто не брал, но Гриша в бой и не собирался, всё как-то случайно получилось. Да и сам мешок мальчик не потерял только чудом, но теперь это было хорошей новостью, учитывая, что своего местонахождения Гриша не знал. Хотя лес вокруг абсолютно точно немецким не был. Оттащив девочку в кусты, мальчик подумал, что кроме одежды ей наверняка понадобится еда, сто процентов она голодная. Но сначала следовало перевязать.

Спина и ягодицы девчонки находились в ожидаемом состоянии, учитывая её возраст. Для Гриши это был не первый лагерь, не первые освобожденные, потому – что делать! – он знал, что узница, скорей всего, была «мамой» младшим, отчего её избивали нещадно.

Вот с этого мальчик и начал, благо санитарная сумка тоже уцелела. Достав индивидуальный пакет, он аккуратно его наложил, принявшись за перевязку. При этом Гришка внимательно прислушивался, не забывая о том, что рядом может быть враг.

Закончив, он задумался – девочку надо было одеть хоть во что-нибудь, поэтому мальчик зарылся в мешок. Запасные портянки сейчас были не нужны, хотя и из них можно было что-то соорудить, а вот сменные кальсоны – вполне. Да и запасная гимнастёрка тоже могла пригодиться. Штаны свои запасные он недавно порвал, потому они остались у тёти Нины – для починки.

Натянув на девочку кальсоны, Гришка понял, что они свалятся. Потому подпоясал их невесть откуда взявшейся верёвочкой. Девочка была худющей, как и все узницы, и очень лёгкой. Привыкший помогать взрослым тяжелым солдатам, Гриша без труда поворачивал её. Затем он надел на узницу сменную гимнастёрку, правда, девчонка в его одежде почти утонула, но это было всяко лучше, чем ничего. Осторожно приведя девочку в себя с помощью ваты, смоченной в нашатырном спирте, он взгляделся ей в лицо.

Номер девять-ноль-четыре-пять очнулась от ощущения какого-то запредельного тепла. Открыв глаза, она увидела мальчишку, но он был... на лбу его горела красная звезда, значит, это был «наш». Он пришёл, чтобы спасти их всех, а спас только её. Но он пришёл – и это было чудом. Внезапно девочка поняла, что одета. Одежда была не по размеру, но разве дело в этом? Одежда грела – на спине, на руках, даже на ногах что-то ощущалось, вот только слабость почти не давала шевелиться.

– Я – сержант Лисицын, – представился спасший её «наш». – Где мы находимся, пока не знаю, но разберёмся.

– Я – номер девять-ноль-четыре-пять... – ответила ему Виолетта, своего имени почти уже не вспоминая. – Я...

– Ты – не номер! – строго произнёс Гришка. – Ты – человек, девочка, понимаешь? Не

номер!

– Всё равно убьют, какая разница? – устало сказала девочка. – Отсюда не сбежишь.

– Ну, это мы ещё посмотрим! – хмыкнул сержант. – Сейчас я займусь едой для тебя, а потом посмотрим, что мы имеем. Хорошо?

– Хорошо, – осторожно кивнула Виолетта, расслабившись. Она точно знала, что пока с ней рядом «наш», бить не будут.

В первую очередь Гриша сменил магазин автомата, заменив его полным, а почти пустой сунул в вещмешок. Положив оружие рядом с собой, сержант немного подумал и достал паёк. С помощью перочинного ножа, отнятого у какого-то фрица и подаренного ему дядей Сашей, мальчик отрезал маленький кубик хлеба и поднёс его к губам девочки, называвшей себя номером.

Летта, обнаружив у своих губ хлеб, немедленно схватила его, отправляя за щеку. Хлеб был мягким, а не почти каменным, к какому она привыкла в лагере, у него был привкус дыма и, кажется, ещё чего-то, названия чего она не знала. Она с благодарностью посмотрела на мальчика, чувствуя, что почти не может шевелиться.

– Полежи пока, – попросил её Гришка, доставая миску и ложку из вещмешка. Спички у него тоже были, поэтому можно было озаботиться бездымным костерком, разведённым, как разведчики показывали, чтобы накормить девочку тёплым, что ей было, конечно же, нужно.

Глава пятая

Виолетта оглядывалась по сторонам. Что-то было ей знакомо в окружающем лесу, но с мыслей сбивал запах. Представившийся Гришей спаситель сейчас готовил для неё бульон из тушёнки, добавив в жестяную банку почти чистую воду из ручья, который он нашёл поблизости. Девочка очень боялась оставаться одной, но терпела, понимая, что сама двигаться почти не может, а им много чего надо.

А Гриша думал о том, что поблизости никаких следов не обнаружил – ни наших, ни *этих*. При этом не было слышно никакой канонады, что означало – фронт далеко. Из всего этого следовал только один вывод – они в тылу врага. Учитывая состояние бывшей узницы, новость была так себе, а боезапаса оставалось не так чтобы много. То есть всё было более-менее понятно.

– Нужно брать языка, – заключил Гришка. – Другого варианта нет, но вот что делать сей... – он замер, услышав хруст ветки неподалёку. – Лежи тихо, – шепнул Летте юный сержант, а сам ужом скользнул в траву.

Сил бояться у девочки просто не было, поэтому она замерла, стараясь не выдать себя неосторожным движением. Гришка же, прихватив свой ППС и держа его наизготовку, быстро, но тихо полз туда, откуда донёсся звук. Через некоторое время мальчик увидел присевшего в кустах кого-то в чёрном. «Погадить присел, фашистская морда», – понял мальчик, аккуратно обползая *этого*, чтобы оказаться у него за спиной. Приблизившись, Гришка вскочил и с силой ударил *этого* по голове гранатой без запала, обнаруженной в вещмешке. Видимо, приложился он хорошо, потому что фриц молча завалился в траву. «На ловца и зверь бежит», – усмехнулся мальчик, оттаскивая *этого* дальше в кусты.

Связав того его же одеждой, Гришка привел его в сознание сильно хлопая по лицу. *Этот*, увидев советского сержанта замер, хотя говорить пока не мог – рот его был заткнут, науку дяди Саши Гришка помнил хорошо. Теперь надо было допросить. Раскрыв перочинный нож, мальчик воткнул его туда, куда показывали разведчики, объясняя, почему это очень больно. *Этот* застонал и задёргался, полными ужаса глазами глядя на сержанта.

– Ну что, фриц, рассказывай, – предложил ему мальчик, зло усмехнувшись. С трудом формулируя фразу по-немецки, Гришка повторил своё предложение.

– Кто ты? Что ты делаешь? Ты знаешь, что с тобой сделают? – попытался закричать почему-то по-английски *этот*.

– Рассказывай, где мы находимся и где Красная армия? – с трудом вспомнив этот язык, мальчик сформулировал предложение, дополнительно простимулировав *этого*.

– Это остров! Остров! Тебе не спастись! – опять попробовал закричать фриц, но закашлялся, ибо такого ему позволять никто не собирался.

Поняв, что *этот* готов сотрудничать, хоть и сам не подозревает об этом факте, Гришка утроил усилия, устроив форменный допрос. Не забывая стимулировать фрица, мальчик узнавал всё больше об окружающей его действительности. Тот факт, что *этот* говорил по-английски, не менял ничего, кроме того, что англичане предали. Был и другой вариант – *этот* мог оказаться коллаборационистом, но разбираться Гришка не хотел, фрицу оставалось жить до конца допроса. Самое главное мальчик выяснил – они находятся на острове, полном врагов, своих тут нет, зато раз в сутки от южного причала отходит корабль на материк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5f5>

notes

Раздеться (нем)

И? (нем)

Не выглядит еврейкой или славянкой (нем)

Можем проделать эксперимент – стимулировать, пока она не начнет говорить на родном языке (нем)

Отличная идея (нем)

Освенцим? (нем)

Посылать транспорт ради одного недочеловека? Она должна работать в детском бараче!
(нем)

Официальные протоколы концлагеря Саласпилс.

Тележка для транспортировки трупов (лагерный сленг).

Передвижная газовая камера (нем.).